

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

Отцовство в отечественном научном дискурсе.

Выпускная квалификационная работа

Допустить к защите

и.о. зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд. истор. наук, доц.

**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

«__» _____ 2016 г.

Выполнил студент

и-ип 111

Щёкотов

Дмитрий Игоревич

Научный руководитель:
канд. истор. наук, ст. преподаватель

Коляскина

Елена Александровна

(подпись)

Оценка _____

«__» _____ 2016 г.

Подпись _____

(Председатель ГАК)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3-10
Глава I. Подходы к определению понятия "Социальный статус мужчин".	
1.1. Социальный статус и роль мужчины в семье.	11-22
1.2. Значение и роль возрастной инициации в юношеском возрасте.....	22-29
Глава II. Антропологический подход к исследованию отцовства.	
2.1. Проблемы отцовства в отечественной и зарубежной историографии.	30-41
2.2. Степень влияния советского государства на отцовство.....	41-51
Заключение	52-57
Литература.....	58-62

Введение

Актуальность исследования обусловлена общественным интересом к проблемам отцовства и маскулинности как феномену, который под влиянием социальных воздействий в повседневной жизни человека подвергается трансформациям.

Ввиду чего вполне естественным становится стремление общества, переосмыслить проблемы современных гендерных отношений и связанных с ними аспектов внутрисемейного развития, культурных стереотипов, механизмов конструирования маскулинности.

Роль мужчины в современном обществе неуклонно меняется, причем ускоренными темпами. Рассматривать данный процесс в отрыве от развития общества в целом в различных его направлениях, равно как и не учитывать изменения статуса женщины в современном обществе невозможно. В связи с этим особую актуальность и научно-практическую значимость приобретают исследования исторических аспектов связанных как раз со складыванием и развитием статуса и роли мужчины в обществе.

Анализ трансформации феномена отцовства связан с исследовательскими направлениями, которые мы попытались объединить в единое целое: изучение современных гендерных отношений, интерпретация механизмов конструирования отцовства, исследование динамики доминирующих культурных идеалов семьи и родительства, особенности рефлексии процесса трансформации отцовства.

Постепенный отход от традиционной патриархальной модели семьи заставил многих исследователей говорить о кризисе отцовства и маскулинности. Новые модели семьи, базирующиеся на отказе от патриархального распределения ролей, часто предполагают новое, не свойственное традиционной семье содержание феномена отцовства и маскулинности, которое предполагает активное участие в воспитании, заботе, повседневной жизни ребенка, что традиционно предписывалось роли женщины.

Объектом исследования является отечественный научный дискурс.

Предметной областью исследования является отражение отцовства в отечественном научном дискурсе.

Основной целью исследования является анализ основных концепций и проблем в работах российских исследователей, посвящённых отцовству.

В соответствии с целью, нами были поставлены следующие **задачи**:

-выявить подходы авторов к определению социального статуса мужчин, в том числе его взаимосвязь со статусом в семье.

-раскрыть значение и роль юношеской инициации, с точки зрения исследователей.

-определить основные проблемы, к которым обращались авторы, исследовавшие отцовство.

-выделить степень влияния советского государства на институт отцовства, содержащиеся в работах авторов.

Историография: исследованиями данной проблематики занимались, О.Н. Артемьева, В.П. Алексеев, Т.В. Андреева, Ю.В. Борисенко, М.В. Бутаев, и П. Бурдые¹. Они считали, что проблемы социального конструирования гендера, как на микроуровне в ходе повседневного, межличностного взаимодействия, так и на макроуровне в социокультурном пространстве формируются в рамках определенных институциональных условий.

Системное представление о структурной организации гендерного порядка общества отражено в работах западных и отечественных исследователей Т. А. Бернштам, Т. В. Бендас, Шон Берн, В.В. Бочаров, И. С. Голод, Б. Малиновский, Н.М. Римашевская, И.С.Кон, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина, Г.И Зверева, Л. Преснякова².

¹ Артемьева О.Н. Трудовое воспитание в русской деревне в первой половине XX в. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы 4-ой Междунар. научн. практ. конф. 30-31 марта 2006 г. : в 3 ч. - Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006. - Ч 2. - 300 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. - 455 с.

Андреева Т.В. Семейная психология: учебное пособие / Т. Андреева. – 3-е изд. – СПб. : Речь, 2004. - 244 с.

Борисенко Ю. В. Психология отцовства // Журнал практического психолога. 2007. № 1 (Сер. «Монографии по психологии семьи»; вып. 3).

Бутаев, М. В. Историческая трансформация понятия отцовства в проблемном поле социальной философии. / М.В. Бутаев // Социальная жизнь в свете философской рефлексии. Сб. науч. трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2012.

Бурдые, П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - 260 с.

² Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX веков: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. - 281 с.

Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / Т. В. Бендас, СПб.: 2008. - 431 с.

Берн Шон. Гендерная психология : законы мужского и женского поведения. М.: Прайм-Еврознак, 2004. - 320 с.

Анализ современного положения отцовства в России является фокусом внимания исследователей, которые трактуют современную ситуацию с различных подходов и позиций. Ряд известных отечественных исследователей проводят системный анализ института отцовства с позиций структурного функционализма и инструментализма: И.В. Костикова, И.С. Кон, Дж. Келли, М.Г. Левин. Т. А. Гурко, А. Готлиб, О.В. Зиневич, Е. П. Ильин³.

Бочаров В.В. Антропологическая наука и общество// Журнал социологии и социальной антропологии . 2000. Том II. № 1. СПб.: 2006. - 493 с.

Голод, И. С. Семья и брак: историко-социологический анализ / И. С. Голод. СПб.: Петрополис, 1998. - 272 с. - ISBN 5-86708-113-3.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция тендера и гендерная система в России. М.1994. - 26 с.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Время, 2009. - 495 с.

Малиновский Б.К. Магия, наука и религия. Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук», 1998. - 304 с.

Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - 320 с.

Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39–56.

Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

³ Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 72-79.-ISSN 0132-1625.

Готлиб А. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Самара, 2002. - 424 с.

Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002. - 326 с.

Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин, 2003. - 544 с.

Костикова И.В. Введение в гендерные исследования : учебное пособие для студентов вузов /; ред. Костикова И.В, [и др.] 2005. - 255 с.

Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - 396 с.

Келли Дж. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин//Женщины. История. Общество: Сб.научных работ под общ.ред.В.И.Успенской. Вып.2. Тверь, 2002. - 152 с.

Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - 416 с

Проблемы развития семьи и влияния на семью, а, следовательно, и на родительство и отцовство социальной, политической и экономической ситуаций, а также социологические, культурные, философские и психологические аспекты развития отцовства нашли свое отражение в работах

Исследования отношения общества к отцовству, а также способов и механизмов воздействия на родительское поведение представляют важный ресурс для интерпретации современных тендерных отношений. (Культурно-исторические аспекты отцовства, материнства и родительства рассматриваются в работах М. Мид, Н.М. Римашевской, Л. П. Тарховой, Е. И. Рогова⁴.

Исследованию отцовства как обусловленному и изменяющему свое содержание в зависимости от социально-политической, экономической и культурной ситуаций в обществе посвящены работы отечественных и западных исследователей И.С. Кона, Г. Шурца, К. Уэста, Б.К. Малиновского, Г. И. Зверевой, А. Р. Михеевой⁵.

⁴ Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - 429 с.

Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - 320 с.

Тархова Л. П. Воспитать мужчину / Л. П. Тархова, М.: Педагогика-Пресс, 1992. - 288 с.

Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - 288 с.

⁵ Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. - 625 с.

Шурц Г. Возрастные классы и мужские союзы 1902. - 395 с.

Уэст, К. Создание тендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193-219.

Малиновский Б.К. Магия, наука и религия. Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук», 1998. - 304 с.

Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной

Анализ отцовства неизбежно связан с различными аспектами изучения роли женщины в современном обществе, где акцентируется сочетание частных и публичных сфер деятельности, семейных и внесемейных обязанностей.

Проблемы гендерных отношений и связанных с ними аспектов внутрисемейного развития, культурных стереотипов, механизмов конструирования маскулинности и феминности рассматриваются в работах отечественных и зарубежных исследователей Е.А Здравомысловой, И.С. Кона, А. А. Темкиной, И. Медведевой⁶.

В контексте анализируемых гендерных аспектов отцовства особенно важны работы, посвященные изучению механизмов государственного регулирования родительства, отцовства и материнства (Е.А. Здравомыслова, А. А. Темкина, Л. Преснякова, Е. И. Рогов, Л. П. Репина⁷).

Важный вклад в гендерный анализ социальной и семейной политик внесли С. А. Ушакин, и Л. П. Тархова⁸. Эффективность внедрения гендерной

истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. - С.638-648.

⁶ Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатократический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - 257 с.
Кон И. С. Мужественные женщины? Женственные мужчины? // Литературная газета. 1970. 1 января. № 1. - 12 с.

Медведева И. Обучение женщиной / И. Медведева, А. Медведев, 2003. - 346 с.

⁷ Здравомыслова, Е. А. Советский этатократический тендерный порядок / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и тендерная история / под ред. Н. Пушкаревой. -М.: РОССПЭН, 2003. С. 436-463.

Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39–56.

Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - 288 с.

Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории / Л. П. Репина, 2002. - 352 с.

⁸ Ушакин, С. А. Видимость мужественности / С. А. Ушакин // Рубеж, 1998.-№12.-С. 106-131.

экспертизы законодательства в сфере защиты родительства, материнства и отцовства продемонстрированы такими авторами как Киммел и Голод⁹. Важность гендерно-сбалансированной социальной и семейной политик для укрепления института семьи и изменения представлений о родительских ролях в обществе доказывается в трудах Т. А. Гурко, Т.Д. Гладковой Л.Г. Гусляковой и В.А. Кувшинниковой¹⁰.

Исследованию репрезентаций гендерных отношений, сексуальности, моделей мужественности и женственности, родительства в медиадискурсе посвящены работы А. Гретч, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, И.С. Кона Е.В. Куфтяка, В.П. Алексеевой, Т.В. Андреевой, Ю.В. Борисенко¹¹.

Сравнительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов убеждает в том, что для изучения отцовства как целостного явления еще нет

Тархова Л. П. Воспитать мужчину / Л. П. Тархова, М.: Педагогика-Пресс, 1992. - 288 с.

⁹ Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. 2006а. № 14. - 289 с.

Голод, И. С. Семья и брак: историко-социологический анализ / И. С. Голод. СПб.: Петрополис, 1998. - 272 с. - ISBN 5-86708-113-3.

¹⁰ Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 72-79.-ISSN 0132-1625.

Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ// Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. - 173 с.

Гуслякова Л.Г., Кувшинникова В.А. Семья глазами мужчины и женщины. Барнаул, 1990. - 231 с.

¹¹ Гретч А. Секретный язык мужчин / А. Гретч. – М. : Эксмо, 2004, - 384 с.

Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатрагический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - 257 с.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Время, 2009. - 495 с.

Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - 38 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. - 455 с.

Андреева Т.В. Семейная психология: учебное пособие / Т. Андреева. – 3-е изд. – СПб. : Речь, 2004. - 244 с.

Борисенко Ю. В. Психология отцовства // Журнал практического психолога. 2007. № 1 (Сер. «Монографии по психологии семьи»; вып. 3).

достаточно обоснованного интегрального концептуального подхода, уделяющего пристальное внимание изучению особенностей социального конструирования отцовства. Вместе с тем, на фоне солидной разработанности научно-исторических трудов, посвящённых семье, родительству и гендерным отношениям, растущего корпуса литературы по семейной и гендерной политике наблюдается дефицит исследований, посвящённых феномену отцовства. Становится очевидной необходимость восполнения недостатков теоретического и практического знания об отцовстве, о моделях и практиках родительского поведения мужчин.

Хронологические рамки исследования: исследования определяются границами от 50-х гг. 20 в., (время правления Н.С. Хрущева – период "оттепели"), до верхней границы 21 в.

Подобный выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно на этот временной отрезок приходятся основные работы авторов, касающихся феномена отцовства и маскулинности.

Помимо всего прочего, именно с этого момента отчётливо наблюдается спад, и уменьшение значимости социального статуса мужчины в обществе и, в частности, как отца семейства.

Основными методами исследования в данной работе явились историко-сравнительный, и проблемно-хронологический. Сравнительно-исторический метод позволил нам путем сравнения выявить общее и особенное в исторических явлениях, достигнуть познания различных исторических ступеней развития одного и того же явления а именно развитие в пространстве феномена отцовства и маскулинности. Проблемно-хронологический метод, позволил нам проследить развитие и изменение феномена отцовства и маскулинности в определенном временном интервале.

Практическая значимость исследования.

Полученные в ходе данного исследования выводы, результаты и рекомендации могут быть использованы в качестве исходного материала по

написанию и составлению спецкурса для студентов высших учебных заведений.

Структура дипломной работы строится по проблемному принципу. В главах и параграфах рассматриваются проблемы, которые обозначены в задачах работы. Дипломная работа включает введение, две главы, заключение, литературу.

Глава I. Подходы к определению понятия "Социальный статус мужчин"

1.1. Социальный статус и роль мужчины в семье

По мнению ряда ученых советской антропологической школы, таких как, Н.М. Римашевская, М.Г. Левин и Т.Д. Гладкова¹², причинами ослабления роли мужчины в обществе считают проводимую государством политику отчуждения мужчины от семейных и родительских обязанностей. Что в свою очередь не могло не отразиться на общественном и семейном статусе

¹² Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - 320 с.

Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - 416 с.

Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ// Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. - 173 с.

мужчины в целом. В 50-60 годы, произошла существенная либерализация норм семейного права, провозгласившая принцип семейного равенства в сфере семейных отношений. Во многом благодаря политике государства и разработанному в 1969 г. Семейному кодексу мужчина оказался отчуждённым от сферы семейных отношений.

Исследователь, Е.И. Рогов, полагает, что государство минимизировало роль мужчины в семье, возложив обязанность воспитания детей исключительно на женщин. Четко регламентировав материальную составляющую отцовства, например " установление размера и формы алиментов на несовершеннолетнего ребенка, а также судебной ответственности за уклонение или несвоевременную уплату алиментов " и т.д.¹³.

Поскольку в советской семейной политике государство акцептировало защиту исключительно материнства и детства, а также брало на себя основную часть материальной и моральной ответственности за образование и воспитание юных граждан, то модель «советского» отцовства представляла посредственное и незначительное участие мужчины в воспитании детей.

Нормативные суждения власти определяют функцию родителей преимущественно как материнско-государственную обязанность. Отцовство подразумевается главным образом как экономический долг. «Советский» отец был выведен за пределы ответственности за свою семью.

По мнению И.С. Кона немаловажной проблемой, которая болезненно ударяет по статусу мужчины, является проблема «отцов и детей», преемственности и конфликта поколений. Отношения между поколениями никогда не были и не могут быть абсолютно равными. Старшие обучают и воспитывают младших, передавая им свой опыт, который они получили от

¹³ Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - 288 с.

предшествующих поколений, приобщая их тем самым к унаследованной от прошлого культуре¹⁴.

Однако представители зарубежной антропологической школы считают, что старый конфликт отцов и детей, в основе которого было желание сыновей скорее унаследовать власть и имущество отцов, теперь перерастает в глобальный «разрыв», «пропасть» между поколениями, которые вообще не способны понять друг друга. Однако если одни авторы, такие как Маргарет Мид¹⁵ считали данную ситуацию принципиально новой, полагая, что «пропасть» между поколениями быстро углубляется, то другие ученые, такие как Бернштам,¹⁶ не усматривали в ней ничего нового; конфликт отцов и детей существовал, по их мнению, всегда, а его современные масштабы сильно преувеличены. Весьма типичны в этом смысле рассуждения М. Мид. Она отмечает, что важнейшее влияние на взаимоотношение отцов и детей имеет тип складывающегося вокруг них общества, который накладывает определенный отпечаток на внутрисемейные отношения.

Связывая характер межпоколенных отношений с темпом общественного развития и господствующим типом семейной организации, она различает в истории человечества три типа общества: постфигуративные, в которых дети учатся главным образом у старших, конфигуративные, где и дети, и взрослые учатся прежде всего у равных, сверстников, и префигуративные, где старшие не только обучают детей, но и сами учатся у них.

Постфигуративная культура, по мнению Мид, преобладает в традиционном, патриархальном обществе, которое учится главным образом на опыте прежних поколений, ориентируясь на традицию и ее живых носителей — стариков. Традиционное общество живет как бы вне времени, всякое новшество вызывает в нем подозрение: «наши предки так не

¹⁴ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 277 - 282.

¹⁵ Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - С. 261-272.

¹⁶ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX веков: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. - С. 156-165.

поступали». Взаимоотношения возрастных слоев здесь жестко регламентированы, каждый знает свое место, и никаких споров на этот счет не возникает¹⁷.

Конфигуративная культура переносит центр тяжести с прошлого на современность. Она ориентируется не столько на старших, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. В воспитании влияние родителей уравнивается и перевешивается влиянием сверстников и т. д. Это совпадает с изменением структуры семьи, превращающейся из «большой семьи» в нуклеарную, состоящую из супружеской пары и ее потомства¹⁸.

Префигуративная культура ориентируется главным образом на будущее. Не только молодежь учится у старших, как было всегда, но и старшие во все большей степени прислушиваются к мнению молодежи. Раньше старший мог сказать юноше: «Ты должен слушаться меня, ибо я был молодым, а ты не был старым, поэтому я лучше тебя все знаю». Сегодня он может услышать в ответ: «Но вы никогда не были молоды в тех условиях, в которых нам предстоит жить, поэтому ваш опыт для нас бесполезен»¹⁹.

Меняется и стиль внутрисемейных отношений. Крушение авторитарного воспитания, по мнению Е.И. Рогова, сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный авторитет поддерживать гораздо труднее, чем власть, опирающуюся на силу. "Индивидуализация отношений повышает их психологическую значимость, но одновременно делает их более хрупкими, особенно в подростковом возрасте, когда диапазон и выбор общения у детей расширяется"²⁰.

¹⁷ Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - С. 302-305.

¹⁸ Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - С. 302-305.

¹⁹ Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - С. 302-305.

²⁰ Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - С.154-167.

Мужской стиль жизни был преимущественно инструментальным, от мужчины ждали достижений во внесемейных отношениях — в труде, накоплении богатства, на войне, в общественной деятельности; на этом держалось и его главенство в семье.

И.Медведева, считает, что сегодня отцовская роль стала особенно сложной и проблематичной. Не говоря уже о том, что во многих семьях отцы вообще отсутствуют, их влияние на детей большей частью ниже, чем влияние матерей²¹.

Сравнительно редко наблюдается и психологическая близость с отцами. Дело, по-видимому, не в том, что современные мужчины уделяют меньше внимания семье и детям, а в том, что подорвано их традиционное положение в семье, а новые роли усваиваются медленно. Отец перестал быть единственным кормильцем и дисциплинирующим фактором.

Труд, который всегда был и остается главной сферой самоутверждения мужчины, в наши дни пространственного отдаления от семейного быта. Как работает отец, ребенок не видит. Что же касается внутрисемейных функций, роль матери здесь выглядит гораздо более важной и значимой, чем роль отца. Кроме того, взаимоотношения отцов с детьми осложняются меньшей экспрессивностью мужчин, их частым "неумением" выражать сравнительно тонкие чувства и психологические переживания. Эти качества, столь ценимые в наши дни, не входили в традиционный стереотип мужчины, считает, Л.П. Репина²².

Отцовские чувства и отцовская роль сами требуют определенного воспитания и обучения. В старом, патриархальном обществе, по мнению Е.П. Ильина, на нормы которого мы все еще невольно ориентируемся, учиться отцовству не было необходимости. Будь сильным и преуспевающим мужчиной в обществе, и все остальное — благоустроенный дом, уважение

²¹ Медведева, И. Обучение женщиной / И. Медведева, А. Медведев, 2003. - С. 299-317.

²² Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории : новая картина европейского прошлого : очерки : хрестоматия / Л. П. Репина, 2002. - С. 134-149 .

окружающих, послушная жена и дети — появится автоматически. Возиться с детьми и разводить «нежности телячьи» — не мужское дело²³.

Однако, Е.И. Рогов, считает, что такова была господствующая установка, и, хотя очень многие мужчины чувствовали себя в этом мире неуютно и испытывали дефицит эмоционального тепла и интимности, это не воспринималось как социальная проблема²⁴.

Сегодня положение резко изменилось. Раскрепощение женщин и другие процессы лишили мужчин их привилегированного положения. Чтобы иметь душевное спокойствие и авторитет в семье, мужчина должен обладать рядом тонких психологических свойств, которые никогда не входили в традиционный стереотип маскулинности,— чуткостью, внимательностью, отзывчивостью и т. д. Их недостаток болезненно сказывается на психике и здоровье мужчин.

Равняясь на систему ценностей, принятых в обществе сверстников, мальчики-подростки старательно искореняют в себе эти якобы «женские» качества, а став взрослыми, обнаруживают, что не в состоянии выразить волнующие их переживания. Броня, которой подросток окружил себя в порядке самозащиты, превращается в тюрьму, из которой взрослый мужчина не может освободиться.

В том, что касается выражения эмоций, по мнению, О.В. Зиневича, «настоящий мужчина» напоминает порой собаку из поговорки: все понимает, а сказать не может²⁵. По уровню душевного самораскрытия мужчины существенно уступают женщинам, и это остро проявляется в семье и отношениях с детьми. Что в совокупности приводит к значительному снижению роли мужчины в обществе и как следствие к назревшему кризису.

²³ Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин, 2003. - С. 465 - 478.

²⁴ Рогов, Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - С. 188- 201.

²⁵ Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002 - С.102-119.

Он так же придерживается точки зрения, согласно которой, в традиционной русской семье существовало особое почтение к женщине-матери, тогда как отцы и мужья нередко выглядели слабыми и несамостоятельными, их маскулинность часто проявлялась в деструктивной и антисоциальной форме – в бесшабашной удали, пьянстве, драках и т. п.²⁶.

Некоторые историки, такие как, Л Преснякова и И.С. Кон²⁷, связывали это с политическим деспотизмом и недостатком индивидуальной предприимчивости. Кодекс чести, на котором держался дворянский канон маскулинности XIX в., предполагал верность царю и отечеству, воинскую доблесть, корпоративную честь, но не знал понятий рационального расчета и предприимчивости, которые были уже хорошо знакомы французам или англичанам этого периода и с которыми у них ассоциировались мужское достоинство и личная ответственность. С этим связан и гипертрофированный русский романтизм.

Аристократический интеллектуал «всегда обнимал женщин, как и идеи, с той смесью страсти и фантазии, которая делала прочные отношения почти невозможными. В эгоцентрическом мире русского романтизма было вообще мало места для женщин. Одинокие размышления облегчались главным образом исключительно мужским товариществом в ложе или кружке. В XIX в. буржуазный канон маскулинности – мужчина как ответственный хозяин жизни.

Мужчина состоит из свободы, чести, гипертрофированного эгоизма и чувств. У русских первое отняли, второе потерялось, третье отмерло, четвертое – кисель с пузырями». При всех этнических, религиозных и исторических вариациях традиционный канон маскулинности всегда и везде

²⁶ Здравомыслова О. М. Семья и общество: тендерное измерение российской трансформации / О. М. Здравомыслова М.: Эдиториал УРСС, 2003. - С.112-114. - ISBN 5-354-00305-9.

²⁷Преснякова Л.Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39–56.
Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 238-243 с.

включает такие черты, как энергия, инициатива, независимость и самоуправление.

Экономическая неэффективность советской системы в сочетании с политическим деспотизмом и бюрократизацией общественной жизни оставляла мало места для индивидуальной инициативы и независимости считают, Е.А Здравомыслова и А.А. Тёмкина.

Они считали, что для того чтобы добиться экономического и социального успеха, нужно было быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным, не самостоятельным, а конформным. С раннего детства и до самой смерти советский мужчина чувствовал себя социально и сексуально зависимым и ущемленным²⁸.

Социальная несвобода, по их общему мнению, усугублялась глобальной феминизацией институтов социализации и персонифицировалась в доминантных женских образах. Это начиналось с раннего детства в родительской семье. Из-за высокого уровня нежеланных беременностей и огромного количества разводов каждый пятый ребенок в СССР воспитывался без отца или хотя бы отчима. Да и там, где отец физически присутствовал, его авторитет в семье и роль в воспитании детей, как правило, были значительно ниже, чем авторитет и роль матери²⁹.

На идеологическом уровне тоска по мужскому началу способствовала трансформации образа отсутствующего реального отца в характерный для всякого тоталитарного сознания, мифологизированный образ Вождя, Отца и Учителя. Ниже располагались идеализированные образы коллективной маскулинности, мужского, особенно воинского, товарищества и дружбы.

Принадлежность к коллективному мужскому телу психологически компенсирует мужчине его слабость и несамостоятельность в качестве

²⁸ Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // О мужественности: сб. статей / сост. С. Ушакин. М.: НЛЮ, 2002. - С. 432-451.

²⁹ Здравомыслова, Е. А. Советский этакратический тендерный порядок / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и тендерная история / под ред. Н. Пушкаревой. -М.: РОССПЭН, 2003. - С. 436-463.

отдельного индивидуума: каков бы я ни был сам по себе, в рамках группового «мы, мужики» я силен и непобедим. «Русский мужчина-конь скачет, скачет, его несет, он сам не понимает, куда он скачет, зачем и сколько времени он скачет. Он просто скачет себе, и всё, он в табунах, у него алиби: все скачут, и он тоже скачет»³⁰.

Исследователь, Е.А. Здравомыслова, считает, что несоответствие собственного поведения нормам гегемонной маскулинности требовало психологической компенсации. На семейно-бытовом уровне эта компенсация и гиперкомпенсация имела несколько вариантов:

а) идентификация с традиционным образом сильного и агрессивного мужика, утверждающего себя пьянством, драками, жестокостью, членством в агрессивных мужских компаниях, социальным и сексуальным насилием;

б) покорность и покладистость в общественной жизни компенсируются жестокой тиранией дома, в семье, по отношению к жене и детям;

в) социальная пассивность и связанная с нею выученная беспомощность компенсируются бегством от личной ответственности в беззаботный игровой мир вечного мальчишества (социальный инфантилизм). Не выучившись в детстве самоуправлению и преодолению трудностей, такие мужчины навсегда отказываются от личной независимости, а вместе с нею – от ответственности, передоверяя социальную ответственность начальству, а семейную – жене.

Советский тип гегемонной маскулинности складывался под сильнейшим влиянием политики гипермаскулинного милитаризованного государства. Эта политика была направлена на то, чтобы мужчина мог самореализовываться в качестве такового лишь «на службе Родине», под

³⁰ Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - С. 209-213.

которой понималось безоговорочное и самоотверженное участие в реализации любых государственных проектов³¹.

Главным свойством «настоящего мужчины», по мнению, И.С.Кона, была подразумеваемая постоянная готовность отдать жизнь за Родину или за поддерживаемые официальной идеологией ценности. Причем такое самопожертвование не обязательно должно было произойти в контексте защиты от внешних врагов – «мирная жизнь» по динамике и идеологии максимально приближалась к военным действиям³².

И.С. Кон, считал, что так называемый «кризис отцовства» можно и нужно рассматривать в трех автономных контекстах. Во-первых, как аспект кризиса семьи. В этом контексте в центре внимания оказываются такие явления, как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, проблематичность распределения супружеских обязанностей в мире, где оба супруга работают, появление нетрадиционных форм семьи и брака и т. п.

Во-вторых, как аспект кризиса маскулинности: ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности, конфликт между трудовыми и семейными обязанностями, превращение отцовства из обязательного в факультативное, появление новых отцовских практик и связанных с ними психологических проблем и т. д. В-третьих, как аспект кризиса власти³³.

Ведь власть-то раньше была какая? Задаётся вопросом, исследователь, Л.П. Тархова. Мужская, отцовская, патриархатная. Подобно тому, как рыба тухнет с головы (хотя чистить ее почему-то начинают с хвоста), ослабление власти отдельно взятого отца в отдельно взятой семье начинается с

³¹Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // О мужественности: сб. статей / сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. - С. 432-451.

³² Кон И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. - С. 198-200.

³³ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 274-281.

ослабления власти царя и государя, но между этими процессами есть обратная связь³⁴.

По её мнению, сложность нравственного самосознания заключается в определении позиции при подходе к проблеме соотношения государственного и индивидуального, социального и личного обнаруживает себя в трансформации содержания одного из самых устойчивых мотивов – мотива отцовства.

Возникающая в России XX века префигуративная ситуация каждый раз разрешалась по-своему. В рамках первого цикла (1920–50-е годы) конфликт “отцов и детей” первоначально буквально переносился на поле брани и разрешался в смертельной схватке. Но, уже начиная с тридцатых, была предпринята попытка внедрения “двойного отцовства” – кровное подменялось государственным.

В 1960–80-е годы (второй префигуративный цикл) литература занята рефлексией по поводу результатов отказа от кровного, родного, человеческого, отказа, который в значительной степени изменил психологический портрет нации и завершился, в конце концов, крахом самой государственности. Особенности третьего префигуративного цикла (1980–90-е годы), прослеживаются и складываются на наших глазах.

Из всего вышесказанного следует, что социальный статус мужчины неразрывно связан с его статусом в семье. Успехи в общественной жизни, непосредственно отражаются и на семейной. В свою очередь появление проблем, которые мешают мужчине самоутвердиться в обществе, проецируются на семью. По мнению ряда компетентных исследователей в данной области, существует ряд проблем, которые оказывают существенное влияние на статус мужчины в обществе и на его роль главы семейства.

Одной из таких немаловажных проблем, которая болезненно ударяет по статусу мужчины, является проблема «отцов и детей», преемственности и

³⁴ Тархова, Л. П. Воспитать мужчину / Л. П. Тархова, М.: Педагогика-Пресс, 1992. - С.79-82.

конфликта поколений. Важнейшее влияние на взаимоотношение отцов и детей имеет тип складывающегося вокруг них общества, который накладывает определенный отпечаток на внутрисемейные отношения.

Крушение авторитарного воспитания, сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный авторитет поддерживать гораздо труднее, чем власть, опирающуюся на силу.

Отец перестал быть единственным кормильцем и дисциплинирующим фактором. Труд, который всегда был и остается главной сферой самоутверждения мужчины, в наши дни пространственного отдаления от семейного быта. Как работает отец, ребенок не видит. Что же касается внутрисемейных функций, роль матери здесь выглядит гораздо более важной и значимой, чем роль отца. Кроме того, взаимоотношения отцов с детьми осложняются меньшей экспрессивностью мужчин, их частым "неумением" выражать сравнительно тонкие чувства и психологические переживания. Эти качества, столь ценимые в наши дни, не входили в традиционный стереотип мужчины.

Раскрепощение женщин и другие процессы лишили мужчин их привилегированного положения.

По уровню душевного самораскрытия мужчины существенно уступают женщинам, и это остро проявляется в семье и отношениях с детьми. Что в совокупности приводит к значительному снижению роли мужчины в обществе и как следствие к назревшему кризису.

1.2. Значение и роль возрастной инициации в юношеском возрасте

По мнению исследователей, слова «ребенок» и «мальчик» не просто описывают хронологический возраст, считает Н.М. Римашевская, но являются статусными категориями, выражают определенные, но крайне противоречивые социальные ожидания и притязания. Ребенок очень чувствителен к своему статусу, но какому – возрастному или гендерному? Утверждение «Я мальчик» в гендерном контексте звучит гордо, потому что мальчики ставят себя выше девочек, а в возрастном – унижительно (мальчик – значит, невзрослый)³⁵.

Советские и зарубежные антропологические теории, по её мнению, склонны видеть в процессе развития преимущественно реализацию, с теми или иными вариациями, одних и тех же фундаментальных закономерностей онтогенеза. В этом обе антропологические школы едины во мнении³⁶.

Напротив, история (в том числе история детства) и культурная антропология (в том числе антропология детства) подчеркивают прежде всего историчность и изменчивость.

Исследователь, Н.А. Коркина считает, что, в основе научно-теоретического интереса лежат прежде всего заботы практического порядка. Постепенная, но закономерная утрата мужчинами социальной гегемонии выявила ранее скрытые слабости «сильного пола», причем наиболее уязвимой группой в его составе оказались несовершеннолетние мальчики, подростки и юноши³⁷.

Практические вопросы тесно связаны с научно-теоретическими. Оказалось, что мы плохо знаем, что такое «мальчик» и «мальчишество», считает, Г.Шурц³⁸.

Слова «мальчик» и «ребенок» нередко употреблялись как синонимы. Многие из того, что написано этнографами о «детях», молчаливо

³⁵ Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - С. 222 - 243.

³⁶ Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - С. 222 - 243.

³⁷ Коркина Н. А. Отцовство в современной семье / М.: 2003. № 4. - С- 176-180.

³⁸ Шурц Г. Возрастные классы и мужские союзы 1902. С - 212-214.

подразумевает мальчиков, поясняет, И.С.Кон, однако в то же время именно мальчишеская специфика остается в тени³⁹.

Исследователь уверен, что во многих архаических обществах требование «сделать из мальчиков мужчин» означает, прежде всего, воспитание агрессивных и бесстрашных воинов. Разрабатывая кросскультурные коды, антропологи выделили особую категорию стойкость, включив в нее три черты: силу духа, агрессивность и соревновательность. Сила духа обозначает способность подавлять видимую реакцию на боль, страх или усталость, агрессивность означает агрессию, направленную на людей или животных, а соревновательность – достижение превосходства над другими людьми, особенно равными, например в соревновательном спорте⁴⁰.

Помимо спорта большое внимание стоит уделить играм, в которых так же прослеживается определенная соревновательность и агрессивность. Оценивая игровые предпочтения, необходимо иметь в виду, что прагматика мальчишеских игр существенно отличается от прагматики игр девочек. «Девочки, играя с „куклами“, моделируют различные типы женской деятельности („магазин“, „больница“, „школа“) и внутрисемейные ситуации, включая взаимоотношения родителей, уход за детьми, различные домашние работы и т. п.

Мальчики же в своих манипулятивных играх с антропоморфными предметами гораздо больше места уделяют приключенческо-авантюрным сюжетам с ситуациями конфликта и насилия, жесткой соревновательности и конкуренции (различные „войны“, „бандитские разборки“, земные и космические путешествия с использованием различных „транспортных средств“ и т. п.)⁴¹.

Кон, отмечает, что игры мальчиков менее подконтрольны взрослым, отсюда тяготение к нежилому и «тайному» пространству (пустырь за домом,

³⁹ Кон И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. - С. 165- 171.

⁴⁰ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 217 - 234.

⁴¹ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 194- 203.

сад или огород, старые дома, заброшенные производственные помещения, свалки, лесные заросли и т. п.). Прагматическими доминантами мальчиковых «домиков» являются исследование и освоение пространства (поисковые игры), игры с мотивом соперничества и овладения пространством противника (типа «войнушка»), охота на мелких животных и птиц, экстремальные развлечения – от тарзанки и лазания по деревьям до экспериментов с огнем и водой (купание и обливание водой, плавание на плотках, строительство плотин, поджигание сухой травы и кустарника и т. п.).

Прагматикой мальчишеских игр обусловлена близость их игровых сооружений к источникам воды, дорогам, природным возвышенностям и т. п., а также символизация «игрового дома» как транспортного средства (автомобиль, вертолет, самолет, корабль), что позволяет воспринимать игру в «доме» как путешествие, сопровождающееся исследованием окружающей местности⁴².

Следует так же подчеркнуть, по мнению Т.А. Бернштам, что социализация мальчиков везде и всюду осуществляется не только по вертикали (взрослые мужчины социализируют мальчиков), но и по горизонтали, через принадлежность мальчика к группе сверстников. Обобщение этнографических данных показало, что группа однополых сверстников играет в жизни мальчиков значительно большую роль, чем в жизни девочек. Мальчики раньше девочек отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин и имеют больше внесемейных обязанностей. Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью и имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину⁴³.

И.С. Кон, считает, одним из самых важных аспектов в формировании, развитии и превращении юноши в мужчину, возрастную инициацию.

⁴² Кон И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. - С. 202-206.

⁴³ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX веков: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. - С. 144 - 146.

Буквально инициация означает посвящение, вступление лица в какую-то закрытую корпорацию, религиозное сообщество или объединение⁴⁴. Возрастных инициаций, которые вводят человека в определенную корпорацию – возрастную группу или возрастной класс, посвящают в духовное достояние этой корпорации и воспринимаются как события большого социального значения.

О.В. Зиневич, отмечает, что у многих народов, в том числе и славян, маленький ребенок первоначально считался существом бесполом, к нему применяли термины среднего рода, типа дитя. Лишь по мере взросления ребенка культура с помощью специальных обрядов присваивает ему новый гендерно-возрастной статус. У восточных славян был широко распространен ритуал «пострига»⁴⁵.

Время его проведения, по мнению учёного, у разных народов различно: русские делали его на втором году жизни. Магические манипуляции с волосами нередко производились и над девочками, но это были разные ритуалы: например, мальчиков стригли, а девочкам впервые заплетали косу. По летописным данным, обряд пострига над княжескими детьми и ритуальное посажение мальчика на коня происходило в возрасте двух-трех лет⁴⁶.

В своём труде, И.С. Кон, приводит примеры того, что в более поздние периоды основными моментами пострига были: посажение ребенка на или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу жизнедеятельности (для мальчиков – конь, топор, борона, сабля, различные «мужские» инструменты; для девочек – веретено, прялка, чесальный гребень, пряжа и др.); обстрижение волос мальчику и заплетание косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду, мальчик

⁴⁴ Кон, И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 309-311.

⁴⁵ Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002. С - 128-132 с.

⁴⁶ Кон, И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. С. 313-314.

впервые надевал штаны или шапку, а девочка – юбку, иногда платок; угощение всех участников ритуала.

Он считает, что мальчиковые инициации, как правило, бывают групповыми и происходят в присутствии большего числа людей, что, естественно, привлекает к ним больше внимания. Групповой характер мужских инициации, возможно, отчасти обусловлен тем, что признаки полового созревания у мальчиков менее отчетливы⁴⁷.

Живучесть эволюционных универсалий, по его мнению, подтверждают и данные о характере общения мальчиков и девочек. Мальчики обычно объединяются в более многочисленные группы, чем девочки. Как только эти группы организационно оформлены, между ними начинается соперничество, а внутри каждой мальчишеской группы создается своя вертикаль власти, происходит внутригрупповая дифференциация и специализация, которая проявляется и в межгрупповой конкуренции. Напротив, девочки больше склонны к образованию парных отношений, которым свойственна повышенная психологическая интимность и взаимопомощь⁴⁸.

Более агрессивным мальчикам легче завоевать господствующее положение в иерархической структуре мальчишеской группы, потому что их облик и поведение соответствуют нормативному канону «гегемонной маскулинности», который предъявляется остальным в качестве нормы.

Чтобы добиться господствующего положения в классе или игровой группе, агрессивные мальчики обычно группируются с себе подобными, это помогает им терроризировать остальных детей. Но стоит им потерпеть поражение в драке, как созданная ими иерархия разваливается, а сами они оказываются внизу социальной пирамиды. Это напоминает взаимоотношения самцов в животных сообществах⁴⁹.

⁴⁷ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. С - 290-293.

⁴⁸ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. С - 299-302.

⁴⁹ Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С- 437-440.

Кроме того, групповой характер мужских инициации, в сочетании с акцентом на мужскую исключительность, способствует созданию и поддержанию однополых мужских групп и союзов. Мужские инициации сильнее всего подчеркивают момент социальной ответственности, на втором месте стоят фертильность и сексуальность, а за ними следуют доблесть и мудрость.

Кон, считает немаловажным фактором возрастной инициации является маскулинизирующая функция. Это своеобразный социокультурный эквивалент «принципа Адама», средство «дефеминизации» мальчиков, освобождения их из-под женского влияния⁵⁰.

Собранные воедино множество разнородных данных о различных мужских союзах и сообществах, начиная с животных и кончая современными тайными обществами, приводят нас к выводу, что феномен мужской солидарности и группирования по половому признаку является всеобщим и имеет биолого-эволюционные предпосылки.

Поскольку все мужчины когда-то были охотниками, выживание и жизненный успех не только отдельного мужчины, но и всей человеческой группы зависел от способности мужчин координировать свои усилия в борьбе с общим врагом. Групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому являлись предпосылкой и одновременно условием жесткой групповой дисциплины, уменьшая внутригрупповую конкуренцию и связанное с ней социальное напряжение.⁵¹

Особые мужские дома, союзы и тайные общества существовали едва ли не во всех архаических обществах. Бременский этнограф Генрих Шурц⁵² (1863–1903) в книге «Возрастные классы и мужские союзы» (1902), опираясь на обширный эмпирический материал пришел к выводу, что возрастные классы – древнейший тип социальной организации, основанный, с одной

⁵⁰ Кон И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. С. 209 - 212.

⁵¹ Кон, И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. С. 187-189.

⁵² Шурц Г. Возрастные классы и мужские союзы. 1902. С. 197-203.

стороны, на общности возрастных переживаний и антагонизме поколений, а с другой – на противоположности полов.

В отличие от женщин, жизнь которых целиком подчинена потребности и обязанности рожать и воспитывать детей, причем то и другое реализуются в семье, движимые сексуальным и социальным импульсом мужчины создают все общественные и политические институты. Главная предпосылка общественной жизни, по Шурцу, «инстинктивная симпатия» между мужчинами, из которой вырастают все социальные связи, патриотизм и воинские доблести.

Характерно, что по мере исчезновения или ослабления одних специфически мужских институтов их немедленно заменяют другие. В Средние века место первобытных мужских домов и тайных обществ занимают рыцарские ордена, позже их сменяют студенческие братства, масонские ложи, затем пивные, кофейни, клубы.

Иными словами, подводя итог всему сказанному выше, стоит сказать что в процессе ряда исследований, мальчишеская специфика долгое время находилась в тени. Однако, благодаря разделению социализации мальчиков на вертикальную, в которой главная роль принадлежит взрослому мужчине, и горизонтальную, в которой принадлежность ощущается на уровне мальчишеской группы, становится понятно что данная принадлежность играет очень важную роль в дальнейшем переходе из одной возрастной группы в другую, посредством инициации. Одним из самых важных аспектов в формировании, развитии и превращения юноши в мужчину, с точки зрения исследователей, является возрастная инициация.

Буквально инициация означает посвящение, вступление лица в какую-то закрытую корпорацию, религиозное сообщество или объединение. Возрастных инициаций, которые вводят человека в определенную корпорацию – возрастную группу или возрастной класс, посвящают в духовное достояние этой корпорации и воспринимаются как события большого социального значения.

Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью и имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину. Принадлежность к сплоченной и структурированной группе сверстников позволяет мальчикам чувствовать защищенность и абсолютное превосходство перед девочками. Мальчишеские группы являются переходным этапом в формировании самосознания и сопричастности, ассоциировании себя с мужской общностью.

Кроме того, групповой характер мужских инициаций, в сочетании с акцентом на мужскую исключительность, способствует созданию и поддержанию однополых мужских групп и союзов. В современном обществе удельный вес исключительно мужских сообществ и учреждений резко уменьшился. Даже армия, включая военные училища, перестала быть чисто мужским институтом. Тем не менее потребность в закрытом для женщин пространстве общения с себе подобными у мужчин по-прежнему велика, мужское товарищество и дружба остаются предметами культа и ностальгии.

Глава II. Антропологический подход к исследованию отцовства

2.1. Проблемы отцовства в отечественной и зарубежной историографии

Возникшие и обострившиеся в XX в. социальные проблемы, от которых зависят исторические судьбы отцовства, обусловлены целым рядом глобальных процессов. Снижением рождаемости, ослаблением института брака, уменьшением потребности в семье и в отцовстве, ростом числа холостяков, неуверенностью мужчин в собственном отцовстве, повышением

требований к качеству отцовства, изменением критериев «хорошего» и «плохого» отцовства, усилением критического отношения к отцовским практикам в семье и на макросоциальном уровне.

Феномен отцовства, по мнению исследователя А.Р. Михеевой, проявляется в двух аспектах: биологическом и социальном, причем социальная составляющая в процессе трансформации института отцовства становится все более значимой. Изучение трансформации содержания отцовства возможно путем реконструкции и анализа социокультурных норм и ожиданий, необходимых для понимания и изучения многообразия фактических моделей отцовства⁵³.

М.М. Малышева, считает, что наиболее подходящей теоретической моделью анализа отцовства является подход, объединяющий теории социального конструирования гендера и теории гендерной системы, позволяющий рассматривать отцовство в рамках повседневного дискурса и структурных факторов, определяющих его рамки, на основании чего становится плодотворной критика функционального подхода, определяющего функции отца как кормильца и транслятора мужской половой роли⁵⁴.

В контексте преобладающего в России дискурса кризиса семьи, главными элементами которого являются ослабление семейных связей и снижение ответственности и роли отца в воспитании детей из-за неспособности выполнять традиционно мужскую роль кормильца.

Подобная идеология, считает, М.В. Бутаев, опирается на положения инструментально-функционального подхода, которая подчеркивает патриархатную модель разделения тендерных ролей, где превалируют

⁵³ Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. - С.638-648.

⁵⁴ Малышева, М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе / М. М. Малышева М.: Academia, 2001. - С. 327-331. - ISBN 5-87444-036-4.

ответственность мужчины за материальное обеспечение семьи и ответственность женщины за воспитание и социализацию детей⁵⁵.

Он так же утверждает что, произошедшие в обществе за последнее столетие изменени свидетельствует о более интенсивном процессе конструирования новой отцовской, чем материнской роли, что проявляется в появлении новых форм активности отцов, в переоценке и уточнении обществом отцовских функций, которые все более дистанцируются от традиционной модели отцовства. Основной вектор трансформации отцовства проявляется во все большем ослаблении авторитарного, инструментального, изолированного от ребенка и усилении вовлеченного в семейные дела, заботливого, эмоционального отца⁵⁶.

Исследователь, П. Бурдые, считает, что социальная политика России, постепенно вступает в противоречие с повседневными тенденциями трансформации отцовства, конструируя отцовство через ответственность мужчины за экономическое обеспечение детей и освобождение его от остальных родительских обязанностей. Нормативные политические суждения определяют родительство преимущественно как материнско-государственную функцию⁵⁷.

По его мнению, трансформация политического моделирования отцовства в России идет в нескольких направлениях. Начиная от традиции «отчуждения отцов» через возвращение традиционалистских норм с помощью ужесточения политики в отношении брака и семьи с целью возвращения сильного влиятельного отца, что привело к обратной цели. И заканчивая усилением роли женщины - матери и девальвации ролей отца и мужа, которые приняло на себя государство, к «кризису отцовства»,

⁵⁵Бутаев, М. В. Историческая трансформация понятия отцовства в проблемном поле социальной философии. / М.В. Бутаев // Социальная жизнь в свете философской рефлексии. Сб. науч. трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2012.

⁵⁶ Бутаев, М. В. Историческая трансформация понятия отцовства в проблемном поле социальной философии. / М.В. Бутаев // Социальная жизнь в свете философской рефлексии. Сб. науч. трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2012.

⁵⁷ Бурдые, П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. - С. 246-248.

проявляющегося в педагогической некомпетентности отцов, их незаинтересованности и неспособности осуществлять воспитательные функции, в основном из-за экономической несостоятельности⁵⁸.

Несмотря на то, что в современном обществе институт отцовства теряет свой сугубо экономический смысл, официальная риторика России связывает снижение роли отца в семье с падением его социального статуса как экономически успешного субъекта. Именно этой позиции придерживается исследователь, Т.В. Бендас⁵⁹.

Дискриминация отцов проявляется не только в ограничении их экспрессивной роли, но также и в исключении отцов из числа ответственных действующих лиц в выполнении воспроизводственных и социализирующих функций (политика стимулирования рождаемости), что влечет за собой устранение мужчин из сферы заботы со стороны государства (охрана репродуктивного здоровья)⁶⁰.

Отцовство, родительство, материнство представляют собой не только совокупности образцов поведения, навыков, социокультурных практик, но также и являются элементом репрезентативной культуры общества, считает Т.А. Гурко, закрепляющей данные образцы как должное, подлежащее нормированию в соответствии с закрепленным каноном. Большинство социальных явлений, выступают в качестве субъекта социального конструирования реальности, придавая определенное значение объектам различный социальный статус, своеобразного идеологического конструкта, кода, выстраивающего систему символических социальных, моральных и семейных ценностей⁶¹.

Формирование новой постиндустриальной, информационной

⁵⁸ Бурдые, П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - С. 248-250.

⁵⁹ Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / Т. В. Бендас, СПб.: 2008. - С.399-402.

⁶⁰ Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / Т. В. Бендас, СПб.: 2008. - С. 404-408.

⁶¹ Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 72-79.-ISSN 0132-1625.

цивилизации, которая во многом нивелирует половые различия, влечёт за собой значительные социокультурные трансформации. Изменение отцовства напрямую связано с кризисом мужественности, именно такой позиции придерживается Г.И. Зверева.⁶² Она считает, что все кризисы возникали в странах с утончённой культурой, где женщины пользовались большей свободой.

Она, выделяет два периода кризиса мужественности: 1) в XVII и XVIII веках во Франции и Англии; 2) кризис мужественности на рубеже XIX и XX столетий в Соединённых Штатах Америки и странах Европы. Кризис мужественности в XVII и XVIII веках во Франции и Англии возник в связи с пересмотром роли мужчин и понятия мужской сущности французскими Жеманницами. «Жеманница - женщина эмансипированная, она предлагает феминистские способы удовлетворения своей тяги к свободе ... Она ратует за новый идеал женщины, включающий и возможность её восхождения по социальной лестнице, и право на достоинство» Это и есть первое проявление французского феминизма.

Жеманницы полностью отрицают власть отца и мужа, они осуждают брак по сговору и материнство. Любовь, по их мнению, это чувство, которое испытывает именно мужчина к женщине, а не наоборот. Эти правила приняли немногие мужчины - только жеманники, их было очень мало, но, тем не менее, они оказали очень большое влияние на феминизацию мужчин этого периода. «Они усвоили женоподобную утончённую моду -длинный парик, экстравагантные перья, брыжжи, мушки, духи, румяна...».⁶³

И.С. Кон, отмечает, что в Англии спор о мужской сущности принял значительно более яркий характер. «Понятие мужественности становится в

⁶² Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

⁶³ Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

этот период предметом жарких споров. Женщины не довольствуются утверждением равенства в желаниях и правах, они заявляют, что хотели бы видеть мужчин более нежными, более ... женственными. ... Феминизированный мужчина, усвоивший женскую манеру поведения, вызывает сомнение, не гомосексуалист ли он. Подобная мысль, однако, не приходит в голову французу, когда он видит перед собой того же жеманника. «Новый» мужчина в эпоху английской Реставрации предстаёт в образе гомосексуалиста, такого же пустого, болтливого и очаровательного, как женщина».⁶⁴

Второй кризис мужественности - на рубеже XIX и XX столетий - затронул страны Европы и Соединённые Штаты Америки. Все эти страны пережили похожие экономические и социальные потрясения, в основе которых лежали новые реалии, связанные с индустриализацией и становлением демократии. Кроме того, женщины требовали предоставления им больших прав наравне с мужчинами, работы вне дома, получения высшего образования. В связи с этим у мужчин возник страх перед феминизацией, перед тем, что им придется выполнять женскую работу. «Они (мужчины - авт.) видят в женщине «смертельную западню», призванную уничтожить их специфику». Мужчины в этот период не находят «отдушины» в работе, где они могут реализовать свои маскулинные качества, потому, что женщины стали работать уже на заводах, фабриках, заниматься тяжелой работой наравне с мужчинами. «От них больше не требуется ни сила, ни инициатива, ни воображение, чтобы заработать себе на жизнь».⁶⁵

Замена патриархально-монархического государственного устройства «братски-республиканским» повлекла за собой и изменение канона отцовства: абсолютный монарх, который волен карать и миловать, уступает

⁶⁴ Кон И. С. Мужественные женщины? Женственные мужчины? // Литературная газета. 1970. 1 января. № 1. С. 12.

⁶⁵ Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

место «кормильцу», у которого значительно меньше власти и гораздо больше обязанностей. На первый план все больше выходит индивидуальность каждого из членов семьи. «Конец патриархов» означает, что вместо авторитарного отцовства базовой политической категорией становится демократическое братство, отношения равных.

Единственным выходом из этого кризиса может стать лишь разделение границ и обязанностей мужчин и женщин, выполнение их первоначальных, традиционных качеств, функций и ролей. «Для того чтобы мужчины смогли вновь обрести мужественность, необходимо, считает Зверева, чтобы женщины вернулись на своё природой уготовленное им место. Лишь восстановление границ между полами излечит мужчин от их тревог, связанных с определением своей сущности». Именно благодаря представленным факторам модель отцовства претерпевала негативные изменения благодаря кризисам мужественности. Результатом этих воздействий можно считать переход от патриархального устройства семьи, к нуклеарной системе который поставил под вопрос беспрекословность власти мужчины как отца семейства⁶⁶.

По мнению В.П. Алексеева, мужские проблемы коренятся не столько в мужской психофизиологии и особенностях индивидуального развития мужчин, сколько в противоречивости нормативного канона маскулинности, ориентированного на оправдание и поддержание мужской гегемонии.⁶⁷

Это мнение разделяют ведущие современные социологи. По словам Пьера Бурдьё, «мужское господство представляется как само собой разумеется для большинства людей совершенно естественным явлением, на самом деле оно, как и сами понятия маскулинности и фемининности, весьма искусственно и само себя воспроизводит.⁶⁸

⁶⁶ Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.

⁶⁷ Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. - С. 338-340.

Представление, будто женщина всегда ранима и слаба, порождает встречные нормативные представления о мужской силе и непроницаемости, которые мужчина вынужден оправдывать, в том числе – с помощью насилия. Маскулинность – это перформанс, с помощью которого мужчины постоянно обманывают не столько женщин, сколько самих себя и друг друга. Мужчина все время должен доказывать другим мужчинам, что он «настоящий», что он «соответствует» и принадлежит к группе «настоящих мужчин».⁶⁹

Е.И. Рогов в своём труде отмечает, что существенным ударом по отцовству стала смена стиля внутрисемейных отношений. Крушение авторитарного воспитания сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный авторитет поддерживать гораздо труднее, чем власть, опирающуюся на силу. Именно поэтому, у отцов, до недавнего времени бывших приверженцами авторитарного стиля стали возникать серьезные проблемы.⁷⁰

В том, что сегодня положение отцов стало ещё более сложным и проблематичным согласна с Е.И. Роговым, Л.П. Репина.⁷¹

Она отмечает, что сравнительно редко наблюдается и психологическая близость с отцами. Дело, по-видимому, не в том, что современные мужчины уделяют меньше внимания семье и детям, а в том, что подорвано их традиционное положение в семье, а новые роли усваиваются медленно. Отец перестал быть единственным кормильцем и дисциплинирующим фактором.

Труд, который всегда был и остается главной сферой самоутверждения мужчины, в наши дни пространственного отделения от семейного быта. Как

⁶⁸ Бурдые, П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 87-96.

⁶⁹ Бурдые, П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С.56-59.

⁷⁰ Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - С.154-167.

⁷¹ Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории : новая картина европейского прошлого : очерки : хрестоматия / Л. П. Репина, 2002. С. 134-149 .

работает отец, ребенок не видит. Что же касается внутрисемейных функций, роль матери здесь выглядит гораздо более важной и значимой, чем роль отца.

Кроме того, взаимоотношения отцов с детьми осложняются меньшей экспрессивностью мужчин, их частым " неумением выражать сравнительно тонкие чувства и психологические переживания. Эти качества, столь ценимые в наши дни, не входили в традиционный стереотип мужчины " ⁷².

По мнению Е.П. Ильина, отцовские чувства и отцовская роль сами требуют определенного воспитания и обучения. В старом, патриархальном обществе, на нормы которого мы все еще невольно ориентируемся, учиться отцовству не было необходимости. Будь сильным и преуспевающим мужчиной в обществе, и все остальное — благоустроенный дом, уважение окружающих, послушная жена и дети — появится автоматически. Возиться с детьми и разводить «нежности телячьи» — не мужское дело ⁷³.

Такова была господствующая установка, и, хотя очень многие мужчины чувствовали себя в этом мире неуютно и испытывали дефицит эмоционального тепла и интимности, это не воспринималось как социальная проблема ⁷⁴.

Сегодня положение резко изменилось. Раскрепощение женщин и другие процессы, лишили мужчин их привилегированного положения считает, О.В. Зиневич ⁷⁵. Чтобы иметь душевное спокойствие и авторитет в семье мужчина должен обладать рядом тонких психологических свойств, которые никогда не входили в традиционный стереотип маскулинности, — чуткостью, внимательностью, отзывчивостью и т. д.

⁷² Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории : новая картина европейского прошлого : очерки : хрестоматия / Л. П. Репина, 2002. С. 134-149 .

⁷³ Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин, 2003. - С. 465 - 478.

⁷⁴ Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин, 2003. - С. 466 - 474.

⁷⁵ Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002 - С.102-119.

Их недостаток, по его мнению, болезненно сказывается на психике и здоровье мужчин. Равняясь на систему ценностей, принятых в обществе сверстников, мальчики-подростки старательно искореняют в себе эти якобы «женские» качества, а став взрослыми, обнаруживают, что не в состоянии выразить волнующие их переживания. Броня, которой подросток окружил себя в порядке самозащиты, превращается в тюрьму, из которой взрослый мужчина не может освободиться.

В том, что касается выражения эмоций, «настоящий мужчина» напоминает порой собаку из поговорки: все понимает, а сказать не может. По уровню душевного самораскрытия мужчины существенно уступают женщинам, и это остро проявляется в семье и отношениях с детьми. Что в совокупности приводит к значительному снижению роли мужчины в обществе и как следствие к назревшему кризису.⁷⁶

Так называемый «кризис отцовства», по мнению И.С. Кона, можно и нужно рассматривать в трех автономных контекстах. Во-первых, как аспект кризиса семьи. В этом контексте в центре внимания оказываются такие явления, как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, проблематичность распределения супружеских обязанностей в мире, где оба супруга работают, появление нетрадиционных форм семьи и брака и т. п. Во-вторых, как аспект кризиса маскулинности: ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности, конфликт между трудовыми и семейными обязанностями, превращение отцовства из обязательного в факультативное, появление новых отцовских практик и связанных с ними психологических проблем и т. д. В-третьих, как аспект кризиса власти⁷⁷.

⁷⁶ Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002 - С.102-119.

⁷⁷ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - С. 274-281.

Именно по мере изменения аспекта власти отца, и его кризиса, меняется и стиль отцовства, включая способы воспитания детей:

1. Авторитарный стиль предполагает высокую требовательность, строгую дисциплину, насильственное принуждение ребенка к выполнению родительских предписаний и слабое внимание к собственным потребностям ребенка, который мыслится преимущественно как объект педагогического воздействия.

2. Авторитетный стиль больше апеллирует к собственному сознанию ребенка, давая простор развитию его индивидуальных способностей, при сохранении родительского контроля, формы которого меняются по мере взросления ребенка.

3. Перmissiveный, или снисходительный стиль предоставляет ребенку максимум свободы и самостоятельности, причем отсутствие контроля нередко оборачивается невниманием к ребенку (в духе экзистенциализма: свобода равняется заброшенности).

Если перевести это в философские термины, то авторитарный стиль – субъектно-объектное отношение, в котором ребенок преимущественно выполняет волю родителей, авторитетный стиль – субъектно-субъектное, партнерское, хотя и асимметричное взаимодействие ребенка и родителей, а перmissiveный стиль делает субъектом ребенка, на поступки которого родители только реагируют.⁷⁸

В завершении хотелось бы отметить основные проблемы на которые ссылаются авторы в своих исследованиях, посвященных данному вопросу. Они возникли и обострились ещё в XX в. и были обусловлены целым рядом глобальных процессов. Снижением рождаемости, ослаблением института брака, уменьшением потребности в семье и в отцовстве, ростом числа холостяков, неуверенностью мужчин в собственном отцовстве, повышением требований к качеству отцовства, изменением критериев «хорошего» и «плохого» отцовства, усилением критического отношения к отцовским

⁷⁸ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Время, 2009. - С. 386-387.

практикам в семье и на макросоциальном уровне.

Произошедшие в обществе за последнее столетие изменения свидетельствуют о более интенсивном процессе конструирования новой отцовской, чем материнской роли, что проявляется в появлении новых форм активности отцов, в переоценке и уточнении обществом отцовских функций, которые все более дистанцируются от традиционной модели отцовства. Основным вектор трансформации отцовства проявляется во все большем ослаблении авторитарного, инструментального, изолированного от ребенка и усилении вовлеченного в семейные дела, заботливого, эмоционального отца.

Несмотря на то, что в современном обществе институт отцовства теряет свой сугубо экономический смысл, исследователи всё же связывают снижение роли отца в семье с падением его социального статуса как экономически успешного субъекта.

Замена патриархально-монархического государственного устройства «братски-республиканским» повлекла за собой и изменение канона отцовства: абсолютный монарх, который волен карать и миловать, уступает место «кормильцу», у которого значительно меньше власти и гораздо больше обязанностей.

На первый план все больше выходит индивидуальность каждого из членов семьи. «Конец патриархов» означает, что вместо авторитарного отцовства базовой политической категорией становится демократическое братство, отношения равных.

Единственным выходом из этого кризиса может стать лишь разделение границ и обязанностей мужчин и женщин, выполнение их первоначальных, традиционных качеств, функций и ролей.

Именно благодаря представленным факторам модель отцовства претерпевала негативные изменения благодаря кризисам мужественности. Результатом этих воздействий можно считать переход от патриархального устройства семьи, к нуклеарной системе который поставил под вопрос

беспрекословность власти мужчины как отца семейства

Представление, будто женщина всегда ранима и слаба, порождает встречные нормативные представления о мужской силе и непроницаемости, которые мужчина вынужден оправдывать, в том числе – с помощью насилия. Маскулинность – это перформанс, с помощью которого мужчины постоянно обманывают не столько женщин, сколько самих себя и друг друга. Мужчина все время должен доказывать другим мужчинам, что он «настоящий», что он «соответствует» и принадлежит к группе «настоящих мужчин».

2.2. Степень влияния советского государства на отцовство

Исследуя особенности трансформации института отцовства, мы провели анализ партийно-государственной политики в отношении семьи, женщин и отцовства в СССР. Актуальность проблемы, вызванная тем, что именно в советский период отцовство, как и семья в целом, претерпевает коренные изменения, последствия которых можно наблюдать в современной России, обусловила выбор темы, определила цель оформления статьи.

Исследователь, Е.А. Здравомыслова, считает, что описывая в целом, советскую политику в отношении семьи можно обозначить как этакратическую, когда идеологическая гегемония государства касалась не только супружеских, но и детско-родительских отношений, так как государство провозгласило себя «основным ответственным за воспитание детей»⁷⁹.

На разных этапах советской государственной политики отношение к отцовству было различным, что нашло отражение, например, в порядке установления отцовства. Государство брало на себя ответственность даже за исполнение традиционной мужской роли отца и кормильца, став фактически «универсальным патриархом, считает, Л. Преснякова, подданными которого

⁷⁹Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // О мужественности: сб. статей / сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. - С. 432-451.

были мужчины и женщины»⁸⁰.

Начало советской семейной политики И.С. Кон, определяет как период большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений. Первый Семейный кодекс, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г., провозгласил абсолютное равенство супругов в семье, их полную самостоятельность. Кроме того, были установлены равные права матери и отца в отношении детей и совместное осуществление родительских прав, тем самым отменив действовавшее на протяжении не одного века правило о единоличной власти отца⁸¹.

Что касается установления отцовства, то отец ребенка записывался на основании простого заявления матери, которого было достаточно для юридического признания названного мужчины в качестве отца ребенка. Реальное отцовство установить было трудно.

Согласно ст. 144 Семейного кодекса 1918 г., если суд устанавливал, что лицо, названное отцом ребенка, хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но «одновременно и с другими лицами», то суд выносил постановление о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагал на всех них «обязанность участвовать» в необходимых расходах.

Е.В. Куфтяк, придерживается мнения, что такое установление отцовства было направлено в первую очередь на обеспечение материальной безопасности матери и ребенка. Однако в результате этого у ребенка фактически было несколько отцов (коллективное отцовство), которые вряд ли занимались его воспитанием⁸². Не каждый мужчина готов воспитывать

⁸⁰ Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39–56.

⁸¹ Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С - 423-426.

⁸² Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - С. 22-24..

ребенка, в кровном родстве которого он не уверен. Такое установление отцовства ущемляло и ограничивало права и интересы как детей, так и самих мужчин-отцов.

Кроме того, следует отметить, что в результате действия данного положения, семейные отношения были не защищены от посягательств другой женщины, поскольку признание мужчиной в добровольном или судебном порядке незаконнорожденного ребенка могло привести к разрушению уже существующего брака, ухудшению материального положения семьи из-за необходимости выплачивать алименты, оказывать поддержку ребенку и его матери.

Следствием такой политики стало исключение отца из процесса воспитания советских граждан, оставив ему по возможности роль кормильца, что не способствовало укреплению института отцовства. В советском обществе сформировался отрицательный образ отца - не занимающегося воспитанием детей, бросившего свою семью, уклоняющегося от уплаты алиментов⁸³.

С этого периода началась традиция отчуждения отцовства, которая поддерживалась государственной политикой. Вторым Семейным кодексом, Кодексом законов о браке, семье и опеке РСФСР от 1926 г., было провозглашено семейное равенство женщин и их независимое положение: установлен режим общности супружеского имущества, фактические брачные отношения приравнивались к зарегистрированному браку. В результате признания юридического значения фактического брака упростилось и установление отцовства⁸⁴.

Н.А. Коркина, отмечает легкость, с которой женщина могла доказать

⁸³ Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - С. 22-24.

⁸⁴ Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - С. 19-22.

факт существования фактических брачных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, делали мужчин совершенно беззащитными перед недобросовестными партнершами, претендовавшими и на площадь, и на часть имущества своего “супруга”, требовавшими часто установления отцовства в отношении детей, к которым эти мужчины не имели никакого отношения. Со временем на практике это привело к тому, что мужчины стали вообще остерегаться женщин и бояться вступить с ними в какие бы то ни было интимные отношения»⁸⁵.

В целях изменить демографическую ситуацию в лучшую сторону, в 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении аборт, резко ограничившее доступ к искусственному прерыванию беременности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о государственной помощи матерям принципиально поменял отношение государства к официальному признанию брачных отношений между супругами.

Исследователь утверждает, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Фактические брачные отношения более не приравнивались к зарегистрированному браку. Статья 20 данного Указа вовсе отменила право матери на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке⁸⁶.

Так, мужчина, живущий с женщиной в гражданском браке и имеющий от нее детей, не мог непосредственно приобрести родительские права и обязанности в отношении родных общих детей. В результате этого многоженство и безответственность мужей стали одной из центральных проблем семейных отношений в советском обществе,

⁸⁵ Коркина Н. А. Отцовство в современной семье // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. - С. 144-150.

⁸⁶ Коркина Н. А. Отцовство в современной семье // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. - С. 150-156.

мужчинам была предоставлена практически полная свобода в сексуальных отношениях - они не опасались того, что женщины, родившие от них ребенка, будут требовать установления отцовства.

Следующей проблемой этого периода было то, что женщины, согласно М.Г. Левину, не имея средств на содержание ребенка, возможности произвести медицинский аборт, а также обратиться в суд с иском об установлении отцовства, вынуждены были передавать детей на воспитание государству. Негативные социальные последствия подобного рода «государственной поддержки семьи» сказались на целых поколениях советских граждан⁸⁷.

Л. Преснякова, отмечает, что в период Великой отечественной войны в СССР погибло большое количество мужчин, что не могло не отразиться на нормальном функционировании института отцовства. Кроме того, непродуманная политика государства в этот период, на наш взгляд, отрицательно повлияла на формирование образа отца не только у мужчин и женщин, но и детей, которые остались без воспитания и содержания отца. В период с середины 1950-х - конца 1980-х гг. произошла ограниченная либерализация семейной политики: в 1955 г. вновь был легализован аборт, в 1965 г. значительно облегчена процедура развода, в 1967 г. отрегулировано положение с алиментными обязательствами⁸⁸.

Е.В. Куфтяк, считает, что третий Семейный кодекс, Кодекс РСФСР о браке и семье 1969 г., изменил или полностью отменил большинство нормативных актов сталинского периода. Так, он восстановил возможность установления отцовства в добровольном и в судебном порядке⁸⁹.

Значимым в КоБС РСФСР было то, что права и обязанности родителей

⁸⁷ Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - С. 221-223.

⁸⁸ Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39-56.

⁸⁹ Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28-29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - С. 29-31.

выделялись в отдельную восьмую главу. При этом специально подчеркивалось равенство прав и обязанностей обоих родителей, даже если они расторгли свой брак. Подобного рода уточнение, отмечает Е.В. Куфтяк, было полно большого смысла, поскольку все чаще и чаще приходилось встречаться с нарушением прав родителя, который после расторжения брака жил отдельно от своих детей⁹⁰.

С середины 1960-х гг. социологи и педагоги начали привлекать внимание общественности к проблеме «скрытой безотцовщины». В качестве одной из причин существования феномена «скрытой безотцовщины» в СССР, на наш взгляд, явилась наибольшая загруженность на работе мужчин-отцов по сравнению с женщинами. Кроме того, на возникновение «скрытой безотцовщины» значительную роль сыграла прежняя непродуманная политика советского государства в отношении мужчин, женщин и семьи⁹¹.

Таким образом, с принятием КоБС РСФСР ответственность отцов за содержание и воспитание детей повысилась, но, не смотря на это, роль отца по-прежнему не проблематизировалась, оставалась на периферии семейных отношений.

Во взаимоотношения отцов и детей внутри семьи, все чаще и энергичнее вмешивается государство, становясь посредником в решении спорных вопросов между родителями и детьми. Законодательное ограничение отцовских прав дополняется расширением отцовских функций и обязанностей в отношении детей⁹².

По мнению ряда ученых советской антропологической школы, таких

⁹⁰ Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - С.31-33.

⁹¹ Ушакин, С. А. Видимость мужественности / С. А. Ушакин // Рубеж, 1998.-№12.-С. 106-131.

⁹² Уэст, К. Создание тендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193-219.

как, Н.М. Римашевская, М.Г. Левин и Т.Д. Гладкова⁹³, причинами ослабления роли мужчины как отца в обществе считают проводимую государством политику отчуждения мужчины от семейных и родительских обязанностей. Что в свою очередь не могло не отразиться на общественном и семейном статусе мужчины в целом.

В 60-70-е годы, произошла существенная либерализация норм семейного права, провозгласившая принцип семейного равенства в сфере семейных отношений⁹⁴. Во многом благодаря политике государства и разработанному в 1969 г. Семейному кодексу мужчина оказался отчуждённым от сферы семейных отношений⁹⁵.

Государство минимизировало роль мужчины в семье, возложив обязанность воспитания детей исключительно на женщин.⁹⁶ Четко регламентировав материальную составляющую отцовства, например " установление размера и формы алиментов на несовершеннолетнего ребенка, а также судебной ответственности за уклонение или несвоевременную уплату алиментов " и т.д.

Поскольку в советской семейной политике государство акцептировало защиту исключительно материнства и детства, а также брало на себя основную часть материальной и моральной ответственности за образование и воспитание юных граждан, то модель «советского» отцовства представляла посредственное и незначительное участие мужчины в воспитании детей.

По мнению А.Р.Михеевой, нормативные суждения власти определяют

⁹³ Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - 320 с.

Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - 416 с.

Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ// Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. - 173 с.

⁹⁴ Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - С. 356-360.

⁹⁵ Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ// Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. - С. 96-104.

⁹⁶ Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - С.289-291.

функцию родителей преимущественно как материнско-государственную обязанность. Отцовство подразумевается главным образом как экономический долг. «Советский» отец был выведен за пределы ответственности за свою семью.⁹⁷

Советская власть окончательно снизила авторитет отца семейства. Сначала она подорвала патриархальную семью, основанную на частной собственности, а затем молчаливо приняла модель семьи, в которой мужчине отводится преимущественно роль добытчика и кормильца, оставив все социально-педагогические функции на долю матери.

Отождествление родительства с материнством, считают Е.А. Здравомыслова и А.А. Тёмкина, в какой-то степени сохраняется в российском политическом сознании и поныне. В российском законодательстве в качестве конституционного принципа зафиксирована «государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан» (п. 2, ст. 7).⁹⁸

Подчеркивается, что «заботиться о детях, их воспитании – равное право и обязанность обоих родителей» (п. 2, ст. 38). Эта норма содержится и в Семейном кодексе РФ (ч. 1, п. 1, ст. 1).⁹⁹

Т.Д. Гладкова поясняет, что в соответствии с Конституцией, новый Трудовой кодекс закрепляет за отцом право на отпуск по уходу за ребенком: «Отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также отцом ребенка, бабушкой, дедом или другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком» (ч. 4, гл. 41,

⁹⁷ Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 638–658.

⁹⁸ Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - С. 213-216.

⁹⁹ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. (КоБС РСФСР). - С. 4-5.

ст. 250).¹⁰⁰ Однако фактически об отцах вспоминают редко.

Отрицательно влияет на семейную жизнь, и на отцовство в частности «дикий» капитализм, считает, В.В. Бочаров. Работодателю не нужен сотрудник, обремененный слишком большими обязательствами за стенами офиса. Социологи отмечают, что многодетному отцу, как и женщине, устроиться на приличную работу значительно сложнее, чем бездетному или имеющему одного ребенка. Ни правовой, ни даже моральной защиты многодетные отцы не имеют¹⁰¹.

Тяжелым испытанием для отцов становится развод. Некоторые разведенные отцы вынуждены отстаивать свои права на ребенка в суде, причем, как правило, безуспешно, потому что консервативно настроенные судьи обычно решают эти споры в пользу матерей.

Серьезные исследователи, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина, и М. Т. Гурко¹⁰², видят в такой предвзятости не только ущерб для ребенка, но и дискриминацию мужчин и нарушение прав отцовства.

В итоге логичным выводом из всего сказанного выше будет являться то, что основными причинами ослабления роли мужчины в обществе исследователи считают проводимую государством политику отчуждения мужчины от семейных и родительских обязанностей. Что в свою очередь не могло не отразиться на общественном и семейном статусе мужчины в целом. В 50-60 годы, произошла существенная либерализация норм семейного права, провозгласившая принцип семейного равенства в сфере семейных

¹⁰⁰ Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ // Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. С - 124-128.

¹⁰¹ Бочаров В.В. Антропологическая наука и общество // Журнал социологии и социальной антропологии . 2000. Том II. № 1. СПб.: 2006. С - 227-230.

¹⁰² Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатрагический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - С. 213-216.

Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 72-79.-ISSN 0132-1625.

отношений.

На разных этапах советской государственной политики отношение к отцовству было различным, что нашло отражение, например, в порядке установления отцовства. Государство брало на себя ответственность даже за исполнение традиционной мужской роли отца и кормильца, став фактически «универсальным патриархом».

Во взаимоотношения отцов и детей внутри семьи, все чаще и энергичнее вмешивается государство, становясь посредником в решении спорных вопросов между родителями и детьми. Законодательное ограничение отцовских прав дополняется расширением отцовских функций и обязанностей в отношении детей.

В СССР сформировалась модель особого типа родительства - «советское» отцовство, предполагающее главным образом «выполнение мужчиной экономических обязательств перед женой и детьми: предоставление в их распоряжение его заработков, а также выплату алиментов и раздел имущества в случае развода». Данный тип отцовства получил широкое распространение и в современной российской семье. В целом, можно сделать вывод, что экспериментирование в сфере семейно-брачных отношений в СССР было непоследовательным и имело, как правило, негативные последствия:

1) в начале всех преобразований советская власть, с одной стороны, уравнивала матерей и отцов в родительских правах, с другой стороны, значительно ограничила права мужчин-отцов, оставив за ними лишь функцию кормильца семьи и тем самым изменив не в лучшую сторону отношения самих мужчин к исполнению родительских обязанностей, представления о роли отца;

2) семейная политика 1940-х - середины 1950-х гг. (отмена права установления отцовства, не признание фактических брачных отношений, запрет аборт) еще больше отстранила мужчин от семьи, воспитания детей, и способствовала искажению нравственных представлений о родительском

долге не только отцов, но и матерей;

3) либерализация семейной политики, отмена сталинских норм (середина 1950-х гг. -1980-х гг.), в целом, повысили социальную значимость института отцовства, но негативные стереотипы и представления о роли отца, которые ранее сформировались в советском обществе, сохранились. Следует также отметить, что партийно-государственная семейная политика СССР оказала существенное влияние и на функционирование современного института отцовства, так как проблемы, которые сформировались в советский период, сохранились в России и по сей день.¹⁰³

Заключение

Социальный статус мужчины неразрывно связан с его статусом в семье. Успехи в общественной жизни, непосредственно отражаются и на семейной. В свою очередь появление проблем, которые мешают мужчине самоутвердиться в обществе, проецируются на семью. По мнению ряда компетентных исследователей в данной области, есть ряд проблем, которые оказывают существенное влияние на статус мужчины в обществе и на его роль главы семейства.

¹⁰³ Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - С. 296-298.

Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 79-82.-ISSN 0132-1625.

Одной из таких немаловажных проблем, которая болезненно ударяет по статусу мужчины, является проблема «отцов и детей», преемственности и конфликта поколений. Важнейшее влияние на взаимоотношение отцов и детей имеет тип складывающегося вокруг них общества, который накладывает определенный отпечаток на внутрисемейные отношения.

Крушение авторитарного воспитания, сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный авторитет поддерживать гораздо труднее, чем власть, опирающуюся на силу.

Отец перестал быть единственным кормильцем и дисциплинирующим фактором. Труд, который всегда был и остается главной сферой самоутверждения мужчины, в наши дни пространственно отделен от семейного быта. Как работает отец, ребенок не видит. Что же касается внутрисемейных функций, роль матери здесь выглядит гораздо более важной и значимой, чем роль отца. Кроме того, взаимоотношения отцов с детьми осложняются меньшей экспрессивностью мужчин, их частым " неумением выражать сравнительно тонкие чувства и психологические переживания. Эти качества, столь ценимые в наши дни, не входили в традиционный стереотип мужчины.

Раскрепощение женщин и другие процессы лишили мужчин их привилегированного положения. Что привело к значительному снижению роли мужчины в обществе и как следствие к назревшему кризису. По уровню душевного самораскрытия мужчины существенно уступают женщинам, и это остро проявляется в семье и отношениях с детьми.

В процессе ряда исследований, мальчишеская специфика долгое время находилась в тени. Однако, благодаря разделению социализации мальчиков на вертикальную, в которой главная роль принадлежит взрослому мужчине, и горизонтальную, в которой принадлежность ощущается на уровне

мальчиковой группы, становится понятно что данная принадлежность играет очень важную роль в дальнейшем переходе из одной возрастной группы в другую, посредством инициации. Одним из самых важных аспектов в формировании, развития и превращения юноши в мужчину, с точки зрения исследователей, является возрастная инициация.

Буквально инициация означает посвящение, вступление лица в какую-то закрытую корпорацию, религиозное сообщество или объединение. Возрастных инициаций, которые вводят человека в определенную корпорацию – возрастную группу или возрастной класс, посвящают в духовное достояние этой корпорации и воспринимаются как события большого социального значения.

Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью и имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину. Принадлежность к сплоченной и структурированной группе сверстников позволяет мальчикам чувствовать защищенность и абсолютное превосходство перед девочками. Мальчишеские группы являются переходным этапом в формировании самосознания и сопричастности, ассоциировании себя с мужской общностью.

Кроме того, групповой характер мужских инициаций, в сочетании с акцентом на мужскую исключительность, способствует созданию и поддержанию однополых мужских групп и союзов. В современном обществе удельный вес исключительно мужских сообществ и учреждений резко уменьшился. Даже армия, включая военные училища, перестала быть чисто мужским институтом. Тем не менее потребность в закрытом для женщин пространстве общения с себе подобными у мужчин по-прежнему велика, мужское товарищество и дружба остаются предметами культа и ностальгии.

Однако даже возрастные инициации и мужские союзы не могут уберечь мужчин от целого ряда проблем, которым они становятся подвержены.

Они возникли и обострились ещё в XX в. и были обусловлены целым

рядом глобальных процессов. Снижением рождаемости, ослаблением института брака, уменьшением потребности в семье и в отцовстве, ростом числа холостяков, неуверенностью мужчин в собственном отцовстве, повышением требований к качеству отцовства, изменением критериев «хорошего» и «плохого» отцовства, усилением критического отношения к отцовским практикам в семье и на макросоциальном уровне.

Произошедшие в обществе за последнее столетие изменения свидетельствуют о более интенсивном процессе конструирования новой отцовской, чем материнской роли, что проявляется в появлении новых форм активности отцов, в переоценке и уточнении обществом отцовских функций, которые все более дистанцируются от традиционной модели отцовства. Основным вектор трансформации отцовства проявляется во все большем ослаблении авторитарного, инструментального, изолированного от ребенка и усилении вовлеченного в семейные дела, заботливого, эмоционального отца.

Несмотря на то, что в современном обществе институт отцовства теряет свой сугубо экономический смысл, исследователи всё же связывают снижение роли отца в семье с падением его социального статуса как экономически успешного субъекта.

Замена патриархально-монархического государственного устройства «братски-республиканским» повлекла за собой и изменение канона отцовства: абсолютный монарх, который волен карать и миловать, уступает место «кормильцу», у которого значительно меньше власти и гораздо больше обязанностей.

На первый план все больше выходит индивидуальность каждого из членов семьи. «Конец патриархов» означает, что вместо авторитарного отцовства базовой политической категорией становится демократическое братство, отношения равных.

Единственным выходом из этого кризиса может стать лишь разделение границ и обязанностей мужчин и женщин, выполнение их первоначальных,

традиционных качеств, функций и ролей.

Именно благодаря представленным факторам модель отцовства претерпевала негативные изменения благодаря кризисам мужественности. Результатом этих воздействий можно считать переход от патриархального устройства семьи, к нуклеарной системе который поставил под вопрос беспрекословность власти мужчины как отца семейства

Представление, будто женщина всегда ранима и слаба, порождает встречные нормативные представления о мужской силе и непроницаемости, которые мужчина вынужден оправдывать, в том числе – с помощью насилия. Маскулинность – это перформанс, с помощью которого мужчины постоянно обманывают не столько женщин, сколько самих себя и друг друга. Мужчина все время должен доказывать другим мужчинам, что он «настоящий», что он «соответствует» и принадлежит к группе «настоящих мужчин».

Основными причинами ослабления роли «настоящего мужчины» в обществе исследователи считают проводимую государством политику отчуждения мужчины от семейных и родительских обязанностей. Что в свою очередь не могло не отразиться на общественном и семейном статусе мужчины в целом. В 50-60 годы, произошла существенная либерализация норм семейного права, провозгласившая принцип семейного равенства в сфере семейных отношений.

На разных этапах советской государственной политики отношение к отцовству было различным, что нашло отражение, например, в порядке установления отцовства. Государство брало на себя ответственность даже за исполнение традиционной мужской роли отца и кормильца, став фактически «универсальным патриархом».

Во взаимоотношения отцов и детей внутри семьи, все чаще и энергичнее вмешивается государство, становясь посредником в решении спорных вопросов между родителями и детьми. Законодательное ограничение отцовских прав дополняется расширением отцовских функций и обязанностей в отношении детей.

В СССР сформировалась модель особого типа родительства - «советское» отцовство, предполагающее главным образом «выполнение мужчиной экономических обязательств перед женой и детьми: предоставление в их распоряжение его заработков, а также выплату алиментов и раздел имущества в случае развода». Данный тип отцовства получил широкое распространение и в современной российской семье. В целом, можно сделать вывод, что экспериментирование в сфере семейно-брачных отношений в СССР было непоследовательным и имело, как правило, негативные последствия:

1) в начале всех преобразований советская власть, с одной стороны, уравнивала матерей и отцов в родительских правах, с другой стороны, значительно ограничила права мужчин-отцов, оставив за ними лишь функцию кормильца семьи и тем самым изменив не в лучшую сторону отношения самих мужчин к исполнению родительских обязанностей, представления о роли отца;

2) семейная политика 1940-х - середины 1950-х гг. (отмена права установления отцовства, не признание фактических брачных отношений, запрет аборт) еще больше отстранила мужчин от семьи, воспитания детей, и способствовала искажению нравственных представлений о родительском долге не только отцов, но и матерей;

3) либерализация семейной политики, отмена сталинских норм (середина 1950-х гг. - 1980-х гг.), в целом, повысили социальную значимость института отцовства, но негативные стереотипы и представления о роли отца, которые ранее сформировались в советском обществе, сохранились. Следует также отметить, что партийно-государственная семейная политика СССР оказала существенное влияние и на функционирование современного института отцовства, так как проблемы, которые сформировались в советский период, сохранились в России и по сей день.

Список литературы:

1. Артемьева О.Н. Трудовое воспитание в русской деревне в первой половине XX в. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы 4-ой Междунар. научн. практ. конф. 30-31 марта 2006 г. : в 3 ч. - Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006. - Ч 2. - 300 с.
2. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. - 455 с.

3. Андреева Т.В. Семейная психология: учебное пособие / Т. Андреева. – 3-е изд. – СПб. : Речь, 2004. - 244 с.
4. Борисенко Ю. В. Психология отцовства // Журнал практического психолога. 2007. № 1 (Сер. «Монографии по психологии семьи»; вып. 3).
5. Бутаев, М. В. Историческая трансформация понятия отцовства в проблемном поле социальной философии. / М.В. Бутаев // Социальная жизнь в свете философской рефлексии. Сб. науч. трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2012.
6. Бурдые, П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - 260 с.
7. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX веков: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. - 281 с.
8. Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / Т. В. Бендас, СПб.: 2008. - 431 с.
9. Берн Шон. Гендерная психология : законы мужского и женского поведения. М.: Прайм-Еврознак, 2004. - 320 с.
10. Бочаров В.В. Антропологическая наука и общество// Журнал социологии и социальной антропологии . 2000. Том II. № 1. СПб.: 2006. - 493 с.
11. Голод, И. С. Семья и брак: историко-социологический анализ / И. С. Голод. СПб.: Петрополис, 1998. - 272 с. - ISBN 5-86708-113-3.
12. Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // Социологические исследования. 1997. - № 1. - С. 72-79.-ISSN 0132-1625.
13. Гладкова Т.Д. Музей антропологии МГУ// Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им.Д.Н.Анучина). М.: Из-во Моск. ун-та, 1993. - 173 с.

14. Гусякова Л.Г., Кувшинникова В.А. Семья глазами мужчины и женщины. Барнаул, 1990. - 231 с.
15. Гретч А. Секретный язык мужчин / А. Гретч. – М. : Эксмо, 2004, - 384 с.
16. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Самара, 2002. - 424 с.
17. Зверева Г. И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2 / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2002.
18. Зиневич О.В. Философские исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002. - 326 с.
19. Здравомыслова О. М. Семья и общество: тендерное измерение российской трансформации / О. М. Здравомыслова М.: Эдиториал УРСС, 2003. - 152 с. - ISBN 5-354-00305-9.
20. Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // О мужественности: сб. статей / сост. С. Ушакин. М.: НЛЮ, 2002. - С. 432-451.
21. Здравомыслова, Е. А. Советский этакратический тендерный порядок / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и тендерная история / под ред. Н. Пушкаревой. - М.: РОССПЭН, 2003. С. 436-463.
22. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Европейский университет, 2007. - 257 с.
23. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция тендера и гендерная система в России. М.1994. - 26 с.

24. Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин, 2003. - 544 с.
25. Келли Дж. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин//Женщины. История. Общество: Сб.научных работ под общ.ред.В.И.Успенской. Вып.2. Тверь, 2002. - 152 с.
26. Костикова И.В. Введение в гендерные исследования : учебное пособие для студентов вузов /; ред. Костикова И.В, [и др.] 2005. - 255 с.
27. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Время, 2009. - 495 с.
28. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. Время, 2010. - 396 с.
29. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: 1989. - 226 с.
30. Кон И. С. Мужественные женщины? Женственные мужчины? // Литературная газета. 1970. 1 января. № 1. - 12 с.
31. Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. - 625 с.
32. Кон, И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // Введение в тендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. Ч. 1.-С. 562-606.
33. Кон, И. С. Мускулистая маскулинность. Атлетизм или милитаризм? / И. С. Кон // Тендерные исследования. 2002. - №6. - С. 114-127.-ISSN 1682-3265.
34. Куфтяк Е. В. Отцовство: вчера, сегодня, завтра // Гендерные ценности и самоактуализации личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума. Кострома, 28–29 октября 2004 г. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.; Кострома: КРУ им. Н. А. Некрасова, 2004. - 38 с.
35. Коркина Н. А. Отцовство в современной семье // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. - 212 с.

36. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. 2006 а. № 14. - 289 с.
37. Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: 1960. - 416 с.
38. Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. - С.638-648.
39. Малиновский Б.К. Магия, наука и религия. Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук», 1998. - 304 с.
40. Малышева, М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе / М. М. Малышева М.: Academia, 2001. - 352 с. - ISBN 5-87444-036-4.
41. Медведева И. Обучение женщиной / И. Медведева, А. Медведев, 2003. - 346 с.
42. Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988. - 429 с.
43. Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39–56.
44. Рогов Е. И. Психология отношений мужчины и женщины / Е. И. Рогов, Из-во Владос - Пресс. 2002. - 288 с.
45. Римашевская Н.М. Женщина, мужчина, семья в России : последняя треть XX века / М.: 2001. - 320 с.
46. Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории / Л. П. Репина, 2002. - 352 с.
47. Тархова Л. П. Воспитать мужчину / Л. П. Тархова, М.: Педагогика-Пресс, 1992. - 288 с.
48. Ушакин, С. А. Видимость мужественности / С. А. Ушакин // Рубеж, 1998.-№12.-С. 106-131.

49. Уэст, К. Создание тендера / К. Уэст, Д. Zimmerman // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193-219.

50. Шурц Г. Возрастные классы и мужские союзы 1902. - 395 с.